

ВЕНЕТА ЯНКОВА

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО О ТАТАРАХ В ЛИТВЕ И ПОЛЬШЕ

Поселение татар в землях Великого княжества Литовского (ВКЛ) относится к концу XIV – нач. XV в.). Их длительное существование в различной культурно-религиозной среде привело к культурной и языковой ассимиляции. В данной статье внимание сосредоточено на важном конструктивном элементе современной идентификации: месте и роли прошлого и образах и представлениях, связанных с историей.

Ключевые слова: образы прошлого, татары, идентичность.

Культура татар в Польше и Литве вызывает актуальный исследовательский интерес в связи с характерными для исторических диаспор процессами, протекающими в условиях этнических и религиозных различий¹. И хотя в настоящее время территория ВКЛ разделена государственными границами Польши, Литвы и Белоруссии, можно утверждать, что в татарских общностях разных национальных государств протекают аналогичные процессы, которые базируются как на общем историческом, религиозном и культурном наследии, так и на самых интенсивных контактах между ними. Специфика культурных и этноконфессиональных процессов в этом районе проявляется в интеллектуальных поисках адекватного соответствия для их определения через такие понятия как: «западно-татарская культура», «европейский ислам», «польский ислам» и др., а также в актуализации идеи о мессианской роли местных мусульман в диалоге между христианством и исламом.

В настоящей статье внимание сосредоточено на важном конструктивном элементе современной идентификации татар: месте и роли прошлого и образах и представлениях, связанных с историей. Цель – наметить продуктивную исследовательскую перспективу, которая требует специального подхода. Статья базируется на проведенном полевом исследовании татарских поселений в Литве (Вильнюс, Каунас, Немежис, Сорок татар, Райжай, Тракай) в марте 2012 г. и в Польше (Бялисток, Сокулка, Бохоники, Крушиняни) в 2011 г. Исследование опирается на *теорию культурной памяти* Яна Асмана [2001] и такие исследовательские методы, как *устная история*² и *биографический подход*³.

¹ Hall. 1989; 1990; Vertovec. 2000.

² Здесь необходимо разграничить употребление понятия *устная история*, с одной стороны, как массива информации о прошлом, постигаемого через потенциал

Заметки к устной истории татар в Литве

Устная история – это *человеческое лицо* объективно протекающих исторических событий, обогащенных множеством субъективных точек зрения, очерченных эмоциями, отношениями, ценностями, мотивациями. Эта история сконструирована уникальными субъективными свидетельствами о неофициальной повседневной жизни «маленького» человека в «большой» истории, микроистории сел и регионов и этнической истории общностей. Индивидуальная проекция устной истории проявляется как живая память, расположенная в обозримом биографическом времени. Отмеченные личными воспоминаниями и непосредственными переживаниями, часто это будничные, интимно-человеческие, негероические истории. Но их значимость как конструктивных элементов коллективной памяти и трансляторов информации, не сохраненной каким-либо другим способом, довольно значительна. Устная история осмысливается в соотношении с «искусством памяти», при этом сохранение сведений о прошлом осуществляется в соответствии с потребностями и требованиями настоящего, сохраняются мифы (об «утраченной гармонии», «золотом веке», «героическом прошлом» и др.), сохраняются и передаются нормативные ценности общности⁴. Вот почему, благодаря своей множественности и субъективно-эмоциональным пластам, любая устная история должна интерпретироваться в контексте характерных нормативных кодов своей собственной культуры. Следует также подчеркнуть, что когнитивные возможности устной истории раскрываются через отношения между индивидуальным и коллективным. Особая исследовательская проблема связана с влиянием официальной истории на повседневность обыкновенного человека, а также с формированием под ее влиянием определенных взглядов и представлений. С другой стороны, свидетельства устной истории осуществляют своеобразное возвращение к изначально устному слову. Другими словами, здесь слово содержит в себе различные модальности устной культуры: как потенциального источника информации письменно незасвидетельствованных событий и как возможности вторичного превращения письменного слова в устное через такие акты как: мифологизация, фольклоризация и продукты массовой культуры.

С 1990-х гг. опубликовано множество исследований, посвященных различным моментам истории татар, установившихся на этих территориях, их письменному наследству, биографиям выдающихся личностей

устного слова и формы (чаще всего!) нарратива и биографического рассказа, а с другой – как научно-исследовательского метода.

³ Abrams. 2010; Confino. 1997; Hutton. 1993; LeGoff. 1996; LeGoff, Nora. 1984.

⁴ Hutton. 1993.

татарского происхождения⁵. Но все еще отсутствуют масштабные академические исследования указанной здесь проблематики⁶. Актуальность дальнейших исследований устной истории татар в Литве и Польше мотивирована бесспорной необходимостью: сохранить уникальные житейские свидетельства о значимых исторических событиях с фокусированным акцентом на «татарской точке зрения»; очертить представления о прошлом (*past concept*) как легендарность и миф, а также как лично пережитое событие; соотнести полученные данные с концептом *идентичность* путем описания обобщенных представлений о себе и своей общности и наметить специфические маркеры пограничности⁷; зарегистрировать и анализировать мобилизирующие и травматические моменты истории общности и т.д. Специфическим аспектом этого проблемного поля являются представления о прошлом и о конкретных событиях прошлого, их осмысление и оценка, а также их соотношение с современными социальными практиками.

Легендаризованные нарративы о расселении татар и биографические свидетельства о пережитых ими кризисных моментах жизни общности маркируют контрапункты в исторической памяти: мифологизированного *пра-начала* – удаленного во времени, не засвидетельствованного документально и лишенного осязаемого непосредственного опыта и личных и/или семейно-родовых воспоминаний.

Легендарное пра-прошлое

Еще с середины XIX в. информационный потенциал легенд о прошлом татар привлекает ученых, которые исследуют для этих целей османские документы и анализируют сохранившиеся фольклорные свидетельства⁸. Так например, исследования названия села *Keturiasdešimt totorių* (Сорок татар) направлены на обоснование его вероятного восточного происхождения путем привлечения доказательств о месте числа 40 как определителя множественности в тюркской мифологии и в более поздних представлениях⁹. В том же селе в ходе полевых исследований была зарегистрирована легенда, сохраняющая мифологизиру-

⁵ *Lapiszcz*. 1986; *Droz* et al. 1999, 2000; *Miskinene*. 2001; *Tyszkiewicz*. 1989; *Miškiewicz*. 1990; *Bairausauskaite*. 1996; *Miškiewicz, Kamocki*. 2004; *Jakubauskas, Sitydkov, Dumin*. 2012 и др.

⁶ Данная статья является частью научно-исследовательского проекта «Устная история татар в Литве».

⁷ *Barth*. 1969; *Cohen*. 1993; 1994.

⁸ *Мухлинский*. 1857; *Tuhan-Baranowski*. 1896; *Kryczyński*. 1938; *Borawski-Dubiński*. 1986; *Miškiewicz*. 1993.

⁹ *Borawski-Dubiński*. 1986: 233-234.

щее воспоминание о заселении татар в этой части Европы: «Когда Витаутас воевал, он взял татарских воинов. А татары были очень хорошими воинами и они были очень серьезны. И вот, Витаутас победил, Литву завоевал. И он здесь поселился. Я это в истории читала, он поселил здесь 40 воинов. Он им разрешил... И 40 татар – это название села. Дал им землю, разрешил им на полячках и на литовках жениться. Вот поэтому и мы такие смешанные... С тех пор прошло более 600 лет...» (Раиса Милкамонович, Сорок татар, Литва; 19.03.2012.).

Легенда о возникновении татарского села Немежис и этимология его названия также связывает поселение татар с деятельностью великого литовского князя Витаутаса (Витолт, Витовт)¹⁰: «Здесь находился семейный замок Витаутаса Великого. Наиболее знатные татары были поселены в Немежисе для охраны князя. Здесь умерла его жена. В знак благодарности за преданность татар, эта земля была отдана им безмерно – ее не измеряли. Ее название происходит от польского слова “*nie-meżona* (*nie-meżona*)” – „бери землю без меры!”, „немерная земля”¹¹. Здесь протекает река Немежанка. Здесь все связано с татарами, вся земля принадлежит татарам». (Таир Кузнецов, Немежис, Литва, 2012. 03. 20).

Показательно, что эти устные рассказы представляют собой целостные и обобщающие нарративы, на которые, несомненно, оказали влияние письменные регистрации легендарных данных в учебниках и популярных исторических источниках («Я в истории читала...»). Они формируют представление о татарах как отличных воинах и преданных слугах своего сюзерена и персонифицируют акт поселения с личностью Витаутаса Великого. Данные им привилегии сводятся к наделению их землей и правом на брак с местными девушками¹². Эти нарративы содержат и этиологические элементы: легендарным пра-прошлым общности объясняются настоящие особенности (например, гетерогенное происхождение), или же местные локусы соотносятся с валоризированным татарским прошлым и осмысливаются как *свое* пространство. При этом эти легендарные нарративы формируют целостное представление о далеком пра-прошлом общ-

¹⁰ Витаутас Великий (1392–1430) занимает важное место в национальной памяти народов, считающихся наследниками ВКЛ, а в современной Литве он считается национальным героем. *Гудавичюс*. 2005; *Borawski-Dubiński*. 1986:230-231; *Mickunaite*. 2006.

¹¹ Существует параллель с отмеченным Боравским-Дубинским популярным легендарным мотивом «дар такого пространства земли, которое можно объехать на коне за один день». *Borawski-Dubiński*. 1986:234.

¹² Согласно историографическим исследованиям, привилегии татар касаются также религиозной сферы (право исповедовать ислам, передавать его своим наследникам, а также строить мечети) и их самоуправления.

ности, в котором татары описывают себя как преданных воинов, получивших подобающий прием в новой культурной среде, мотивирующей видимые в обозримом времени процессы адаптации, аккультурации и ассимиляции. Так устанавливаются своеобразные связи между монолитностью и однозначностью легендарного нарратива, с одной стороны, и множественностью и калейдоскопичностью устной истории и осязаемостью происходящего в житейско-биографических рассказах – с другой.

Травматическая память: война, депортация в Сибирь, “советская оккупация”

Время до и после Второй мировой войны и т.н. «социалистический период» (1940–1990) для литовского народа связывается с существенными идеологическими, политическими, экономическими и культурными трансформациями, которые, согласно теории социальных изменений, могут быть определены как *социальная (культурная) травма*¹³. Происходят резкие изменения установленного социокультурного порядка и активизируются деструктивные процессы с продолжительным вредоносным эффектом в обществе, в результате которого на долгое время нарушаются и полностью разрушаются его старые основы. К наиболее важным травмотогенным факторам для татарской общности в Литве, могут быть отнесены: физическое уничтожение людей во время войны и последствия этой войны, депортации в Сибирь при „сталинском режиме”, массовая эмиграция, радикальная экономическая реформа (ликвидация частной собственности, коллективизация) и связанные с ней инфраструктурные изменения (урбанизация, мелиорация) и т.д. При этом доминирующая идеология атеизма и концепция «единого советского общества» не учитывают этнические и религиозные меньшинства и ограничивают свободу вероисповеданий. Именно в это время были уничтожены или оставлены на произвол и саморазрушение исламские святыи места – джамии и кладбища, а религиозная жизнь в ее публичные формы была крайне редуцирована и сведена к узкому кругу семьи и сельской общности¹⁴. Вот почему в коллективной памяти литовских татар-мусульман, этот период оценивается как потерянный для генофонда общности и ее религиозного и культурного наследия. В результате всего этого формируются конструкты негативной исторической памяти.

Обобщим преобладающие темы в нарративах устной истории:

1. Рассказы о смерти невинных людей во время Второй мировой войны и ее последствиях. Таково, например, детское воспоминание о

¹³ Штомпка. 2001.

¹⁴ Miśkiewicz. 1993.

массовых убийствах евреев во время Второй мировой войны: *«Когда по евреям стреляли, было страшно. Мы прикладывали ухо к земле и слышали стоны. Похоже на ад! Живых людей закапывали!»* (Розалия Базараускене, г. Каунас, Литва).

2. Нарушение традиционных межличностных отношений, антигуманность и такие негативные действия и реакции как подозрительность и враждебность. Все это нарушало установленные моральные ценности и порождало у индивидуума чувство обреченности и безысходности. *«Ночью приходят „партизаны“: „Давай! Все!“ Потом приходит немец – евреев ищет...»* (Раиса Милкамонович, с. Сорок татар, Литва). *«Темные люди» спрашивают: „Что ты делаешь?“ „Картошку сажаю.“ „Все равно, не будешь ее есть – вчера евреев расстреляли, скоро расстреляют поляков, а потом – татар...»* (Розалия Базараускене, г. Каунас, Литва).

3. Депортации в Сибирь во время сталинизма. Это драматические нарративы об адаптивных практиках повседневности, проявленной воли к выживанию и человеческой сопричастности. Таковы истории о литовке, которая прятала детей своих соседей-татар, чтобы их спасти; о литовце, который отказался перевозить определенных к депортации людей. В этом тематическом круге преобладают рассказы о потере близких людей, причем многократно подчеркивается, что последствия для татарской общности были разрушительными не только по причине ее физического уничтожения, но и потому, что была уничтожена ее интеллектуальная прослойка: *«умные, грамотные, богатые, трудолюбивые люди – цвет нации!»*. *«В Сибири – все родственники папы! Они были военными при царе и мой дед был офицером»* (Розалия Базараускене, г. Каунас, Литва). В этом плане разрушение устоев “коллективного тела” приобретает пространственные измерения: *„Здесь [в Литве] (выделено мной. – В.Я.) наша родина, нам не хотелось уезжать Туда [в Сибирь] (выделено мной. – В.Я.)»* (Тамара Градабойева, с. Сорок татар, Литва).

В тяжелое испытание превращается возвращение в родные края в 1954 г., ставшее возможным после смерти Сталина: *„Когда мы вернулись, тяжело было. Нам не разрешали вернуться домой, жили на квартирах. Колхоз продал земли, дома, после того, как их хозяева не вернулись из Сибири.”* (Тамара Градабойева, с. Сорок татар, Литва). *„Русские разобрали, тут одни камни остались, камни-подмуровки. Вернулись – ничего нету!”* (Раиса Милкамонович, с. Сорок татар, Литва).

4. Период после 1940-х гг., который в Литве открыто называется «советская оккупация». Биографические рассказы о нем представляют разные стратегии выживания в кризисных ситуациях, индивидуальное и

групповое поведение в целях самосохранения и защиты общественных устоев. Коллективизация частной собственности переживается как уничтожение достигнутого трудом семейного благосостояния и социального престижа: *«Мой отец был прекрасным овощеводом, он выращивал ранние овощи и очень разбогател. Грамотный был. Пришла советская власть. Земля, которую он купил пошла прахом – конфискация.»* (Фелиция Базараускайте, г. Каунас, Литва).

В контексте личной биографии для Айши Ясинской из села Сорок татар, это время бедности и жизненных испытаний: *«Мы много работали, жатва, молотили зерно, все делали вручную. И в школу надо было ходить. Я любила учиться. Так любила! Через окно убежала в школу. А мой отец ругал меня...»* (Айша Ясинская, с. Сорок татар, Литва).

Тяжелые воспоминания советского периода, связываются с традиционными верованиями и суевериями. Так, например, уничтожение татарских кладбищ воспринималось как осквернение святого места, провоцировало представления о демоническом и силах хаоса: *«В советское время уничтожили татарские кладбища и построили на их месте дома. А теперь в этих домах живут привидения. Кто строит дом на кладбище, с ним что-то начинает происходить – ночью что-то падает, скрипят окна, ...мертвецы...»* (Раиса Милкамонович, с. Сорок татар, Литва).

5. Особенно впечатляюще и эмоционально воссоздаются воспоминания о защите религиозной жизни в условиях вынужденного атеизма. У татар-мусульман сопротивление выражается в тайном выполнении религиозных обрядов, прежде всего в кругу семьи, и реже – в открытых протестах, которые, будучи нехарактерными для этого времени, оставляют незабываемые воспоминания¹⁵.

Специального внимания требует анализ способов, последствием которых официальная историография воздействует на устную историю и, в частности, на распространение идеологически обусловленных стереотипов. Для татар в Литве именно таким является обобщенный образ татарина. Уточню, что до 1990-х гг. в академической и в популярной историографии доминировала концепция т.н. «татаро-монгольского ига», в которой татары представлены как завоеватели и поработители¹⁶. В то время официальная идеология находилась в конфликтных отношениях с естественными положительными коннотациями в самопредставлении индивидуума/общности. Это привело к распространению более целостных рассказов, имеющих статус своеобразного примера пережи-

¹⁵ Kim. 2011.

¹⁶ Podolak. 2004.

того индивидуального и группового идентичностного кризиса: «В учебниках пишут о „татаро-монгольском иге“... – одним словом – это очень неприятно для татар! Рассказывают следующее: Мальчик 8-9-и лет летом гостил у бабушки и дедушки в селе. Мальчик читал историю о монгольском нашествии. Ему было страшно – какие они страшные эти татары! Однажды он узнал, что его дед татарин. И он убежал, это произошло в 50 км от Каунаса, он пешком сбежал от своего деда. Испугался, что когда он проснется, придет его дед и задушит его.. Ведь его дед – ТАТАРИН!!!» (Розалия Базараускаене, г. Каунас, Литва).

Эмоциональный рассказ татарки из Райжая (Литва)¹⁷ обобщает трудности, которые ее соотечественники-мусульмане пережили в период атеизма и представляет способы адаптации и самосохранения, бытовые проявления религиозных практик. Это и рассказ об индивидуальном и коллективном сопротивлении унификации и ассимиляции, а также – об осмыслении роли, которую религия (ислам) играла в качестве наиболее существенной опоры татарской идентичности. Одновременно с этим подтверждается значение семейно-родственных связей, как источника индивидуальной и групповой устойчивости в ситуации социальных изменений. А генеративная память (по Асману) осмысливается как исключительно важная для обеспечения преемственности в культурном опыте и сохранения общности. В этом смысле особенно активна память вещей – в родовых воспоминаниях предметы быта приобретают сакральный статус семейных реликвий.

Итак, зарегистрированные нарративы татарской устной история отражают непосредственные житейские примеры сохранения этничности и религиозности в период социального и культурного кризиса. Это случаи пережитого, выстраданного и эмоционально-коннотированного человеческого опыта. Они обнажают формы консолидации и разделения общности и испытаний, связанных с утвержденными традицией моральными нормами и принципами. И еще нечто существенное: если далекое прошлое предков в коллективных представлениях функционирует в легендарных измерениях и в известном смысле создает миф о «золотом веке», то устная история о пережитом недавно интерпретируется в парадигмах социокультурной травмы и кризиса идентичности. Все это в значительной степени мотивирует процессы в татарской общности после 1990-х гг., которые можно определить как часть мировых тенденций, называемых «этническим ренессансом» и «демократизацией истории»¹⁸. К этому же

¹⁷ См.: Приложение.

¹⁸ Novak. 1971.

времени можно отнести начало новейшего периода в историографии о татарах в данном регионе.

Историография, commemoratio, места памяти

В 1990-е гг. было положено начало современным исследованиям литовских татар, которые можно определить как возрождение интереса к татарскому прошлому и к актуальным процессам в общности, к переосмыслению культурно-исторического наследия, введению в научную сферу новых фактов и документов и их популяризации через возможности глобальной сети¹⁹. Возобновленная научная рефлексия о татарах в значительной степени инициирована современной татарской интеллигенцией в Польше и Литве.

Наряду с изучением истории, этнографии, письменного наследия, намечаются и некоторые новые направления:

1. Создание энциклопедических изданий, систематизирующих важнейшую информацию о вкладе татар в развитие истории и культуры принявшего их народа. Особое место занимают т.н. персоналии – публикации, связанные со значимыми личностями в прошлом общности²⁰.

2. Религиозная жизнь и религиозная культура. Место и роль татар в исламском мире – до и после²¹. Анализ специфической культуры татар в Польше, Литве и Белоруссии как части рано сформировавшейся исламской традиции в Европе²². Вместе с тем процессы, протекающие в татарской общности сегодня, продолжают быть объектом специального интереса исследователей в связи с актуальными концептами «идентичность» и «Другой» и соотношением «христианство – ислам». Эти исследования связаны с процессами ассимиляции и модусами сохранения общности; специфической «гибридной идентичностью» и разграничением с ортодоксальным исламом²³.

3. Интерес исследователей сосредоточивается на литературно-художественном наследии татар как рефлексии этой идентичности.

Значительную часть в этом многостороннем исследовательском процессе занимают исторические работы – как академические, так и научно-популярные. Так, современные периодические издания, предназначенные для татарской общности²⁴, имеют постоянные рубрики с ис-

¹⁹ *Konopacki*. 2010; *Канапацкая*. 2006.

²⁰ *Jakubauskas, Sitdykov, Dumin*. 2012.

²¹ *Nalborczyk*. 2009; *Konopacki*. 2010; *Górak-Sosnowska*. 2011; *Pędziwiatr*. 2011.

²² *Norris*. 1999, 2005, 2009.

²³ *Warmińska*. 1999, 2011.

²⁴ В Польше после Второй мировой войны первым изданием, ориентированным на ислам и татарское движение, является журнал «Мусульманская жизнь» /

торической направленностью, связанной с важными событиями и жизнью знаменитых личностей близкого и далекого прошлого; публикуются отрывки из современных и старых, уже редких исторических исследований. В политике этих популярных изданий акцентируется значение истории и более полного познания прошлого. Этот популярный исторический нарратив связывается с дополнительными представлениями о событиях и личностях из мусульманской истории и исламского мира. Так, прошлое татар польско-литовско-белорусских земель осмысливается как часть «большой» истории татар в мире. Здесь можно привести подходящую параллель с заключениями специализированного исследования современной татарской периодики в Польше, согласно которой, отражаемая в ней локальная история является событийно насыщенной и конкретизированной, а «большая» татарская история вписана в более общее представление о Востоке и Исламе. Другими словами, в ней «ориентальный нарратив мифологичен и символичен, а польский – историчен и фактологичен»²⁵.

В 1990-е гг. понимание ценности истории и ее роли в формировании настоящего приводит к богатой комеморации знаковых для общности топосов. Ее двигателем является современная татарская интеллигенция, которая осознает себя своеобразным продолжением в новых условиях деятелей предвоенного периода. Председатель Союза татарских общин в Литве д-р Адас Якубаускас отметил: *«Каждый народ жив до тех пор, пока помнит свои корни, пока придерживается своих религиозных норм и пока его ведет интеллигенция»*²⁶.

По инициативе татарских организаций восстанавливаются многочисленные коммеморативные практики. Восстанавливается религиозная топография путем реконструкции татарских священных мест (мечети, кладбища, места поклонений). Восстанавливаются памятные знаки прерванной или уничтоженной при социализме памяти (татарские кладбища в Литве, мечеть в Лукишки)²⁷. По поводу юбилеев возводятся памятники. Так, например в 2010 г. по случаю 600-летия исторической победы под Грюнвальдом (Танненберг) в Райжяе (Литва) был открыт

«*Życie Muzułmańskie*» (1986–1990) с главным редактором Селимом Хазбиевичем (Selim Chazbijewicz). После 1990-х выходит много изданий, среди которых самый большой тираж и популярность имеет «Ежегодник польских татар» («*Rocznik Tatarów Polskich*»), «Татары Республики Польша» («*Tatarzy Rzeczypospolitej*»), «Татарское обозрение» («*Przegląd Tatarski*») и др.

²⁵ Cieslik, Verkuyten. 2006.

²⁶ Jakubauskas, Sitdykov, Dumin. 2012:29.

²⁷ По устным данным, только около села Райжай в Литве находилось около тринадцати старинных кладбищ, которые были уничтожены.

памятник Витаутасу Великому. Знаменательна идея сооружения во дворе старинной мечети солнечных часов, которые показывают время в Грюнвальде и Райжяе – символическая связь знаковых топосов татарской истории: Грюнвальдская битва 1410 года и мечеть со старинным минбаром с надписью 1686 года, не прервавшая своей религиозной деятельности даже в эпоху атеизма.

Наполнение публичного пространства локусами татарской истории и создание мест памяти²⁸ имеет несколько важных функций: Прежде всего это проявление коммеморативных практик, которые путем акта повторения направлены против забвения. При этом осуществляется публичное признание и легитимация заслуг этноконфессионального меньшинства со стороны большинства. Вместе с тем это способствует формированию и поддержанию положительного образа всей татарской общности.

«Татарин рождается на коне...»: о современном образе татар

Современный образ татар гибриден и эклектичен. На его формирование оказывают влияние как исторические представления и актуальные процессы в современном мире (модернизм, глобализация), так и политики признания и открытия Другого²⁹. Обобщенное выражение этой многосоставной идентичности представляют следующие слова *«Я могу быть хорошей полячкой, хорошей татаркой и хорошей мусульманкой»*. (Халина Шахидевич, Бялисток, Польша).

Согласно обобщенным самопредставлениям и самооценкам, татары «верны своему воинскому долгу и клятве», «верны земле, которая приняла их как своих». Важным элементом в их самоидентификации является сознание культурной и религиозной обособленности, которая ограничивает их от других мусульман: *«Мы из Азии, но мы не арабы!»* По словам самих татар, ожидания будущего у татарской общности в Литве и Польше варьируют от пессимистических прогнозов близкой полной ассимиляции до оптимизма и веры в вечно сохраняющийся дух татар, которые

²⁸ Необходимо добавить посвященные татарской теме печатные издания, архивы, музеи (музейные экспозиции), выставки, документальные фильмы, каталоги и т.д. При историческом музее в Сокулке (Польша) имеется постоянная экспозиция, посвященная польским татарам. В 2006 г. в Тракайском историческом музее (Литва) была открыта постоянная экспозиция, посвященная литовским татарам. В 2007 г. в с. Субартонис (Литва) был открыт первый музей быта литовских татар.

²⁹ *Bieńkowska-Plasznik*. 2008; *Łyszczarz*. 2011. К политикам признания макрообществом необходимо отнести создание в 1997 г. Rada Wspólnej Katolików i Muzułmanów и знаменательную встречу с папой Иоанном-Павлом II, общую «Молитву о справедливости и мире во всем мире» в Крушинянах в 1997 г., а также множество совместных конференций и симпозиумов по проблемам межрелигиозного диалога.

дополняются убеждением, что они являются представителями древнего народа, который выживает несмотря ни на что («Мы – ископаемые»).

С другой стороны, в представлениях макросообщества доминирует понимание исключительного вклада местных татар в национальную историю народов региона. Оно обобщено профессором Селимом Хазбиевичем, одним из лидеров татар в Польше: «...польские татары воспринимаются поляками как часть польской исторической и военной традиции, а не как чужой элемент, которого поляки могли бы бояться... Они представлены в польском сознании как “наши татары”, или “наши польские мусульмане”, совершенно отличающиеся от арабов или других людей»³⁰.

Самое высокое выражение уважения большинства к заслугам татар содержится в словах президента Республики Польши Бронислава Коморовского, произнесенных 25 ноября 2010 г. на торжественном открытии памятника польскому татарину в Гданьске: «Я сам пришел сюда по зову сердца. Искренне хотел присутствовать на открытии памятника польскому татарину, выразить глубокую благодарность многим поколениям польских татар, которые, преданно любя Польшу, верно ей служили на протяжении 600 лет. Я хочу их поблагодарить за многовековую, верную службу Речи Посполитой»³¹. Речь польского главы государства воссоздает знакомый по межвоенной историографии обобщающий героический образ татарина-воина: «Татарин рождается на коне, подтверждением чему является и этот памятник польскому татарину – и все мы помним, что польские татары громили врагов Речи Посполитой, врагов Короны и Литвы, будучи непревзойденными всадниками. У своих они вызывали восхищение, среди чужих сеяли невероятный страх, благодаря их храбрости, воинственности и мастерски усвоенному военному ремеслу. Польские татары принесли славу Речи Посполитой. Не всегда Речи Посполитая ласкала их своим вниманием, но они всегда верно ей служили, ведь всем известно: если татарин любит, то любит всем своим горячим сердцем»³².

Несомненны положительные коннотации такого образа, бесспорно и его воздействие на татар и не-татар. Такой образ свидетельствует и о том, что естественные процессы ассимиляция в различной этнокультурной среде не привели его к обезличению и поглощению доминирующей культурой, а скорее – к созданию собственного татарского облика и его превращению из татарина-воина в эмблему добровольной интеграции –

³⁰ Szweczyk. 2009.

³¹ Польско-литовское государство было создано Люблинской унией 1569 года.

³² Цит. по: Warmińska. 2011.

части героических образцов, встроенных в национальный нарратив и в национальный фонд ценностей.

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть основополагающее значение истории и современных образов и представлений, отнесенных к прошлому, которые функционируют в официальной историографии, в устных нарративах и в политике признания общности макросообществом и играют роль мобилизирующего ресурса. Помимо патриотическо-националистической риторики существует ряд важных исследовательских проблем, связанных с идентичностью татар этого региона. Вот некоторые из них: механизмы сохранения общности как реакция против естественных ассимиляционных процессов; вопросы религиозной идентичности; влияние политики и власти на формы этнической идентификации и т.д. Но это уже проблемы для другого исследования.

ИНФОРМАТОРЫ: Раиса Милкамонович (род. в 1945 г., в с. Сорок татар, Литва); Тамара Градабойева (род. в 1937 г., в с. Сорок татар, Литва); Айша Ясинская (род. в 1919 г., в с. Сорок татар, Литва); Ирена Вильчинскене (род. в 1950 г., в с. Райжай, Литва); Таир Кузнецов (с. Немежис, Литва); Розалия Базараускене (г. Каунас, Литва); Фелиция Базараускайте (род. в 1935 г., в г. Каунас, Литва); Халина Шахидевич (род. в 1936, в г. Бялисток, Польша).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«И мы должны как-то защищаться. Никто на нас не нападает и никто сильно не притесняет... Человек должен как-то сохраниться. Очень большую роль играет... мы не знаем своего языка, но знание молитвы... она передавалась из уст в уста, разъяснение китябы...»

Мы родились, мы были дети... Мои дедушки в Сибири были, некому было – тайком. Помню, как ремонтировали мечеть, я во втором классе была. Ночью приходили... Это глубокие советские времена! Это надо знать!

Там сидит Якубаускас, помоложе председателя³³ – их усадьба была. Божье, ходили к ним, на такой костер, на треножках зрели клей из муки, варили, сами лепили ...свечки такие, подсвечники, что сохранились, и у кого старенький молитвенник...

Я могу Вас даже к себе пригласить. То у нас своится! У меня например есть от пра-прабабушки простыня. И там в уголке написано: “Маковецкая” Господи! Я уже и знак³⁴ не знаю! Мне бабушка показала: “Держи, детка!” И я ее держу. Представьте – ей 90 лет! Эта простыня не просто лежит – нам дорого, моим детям дорого! Я их особенно не учила, но сын мне, например, говорит: “Мама, никому не отдавай!” Не отдам, зачем отдавать...». (Ирена Вильчинскене, с. Райжай, Литва, 24.03.2012 г.).

(Перевод с болгарского: доц. д-р Татьяна Чалыкова)

³³ Интервью проводилось на годовом собрании местной татарской организации.

³⁴ Информатор имеет в виду, что имя было написано с использованием арабской графики.

1. Татарки села Сорок татар

2. Мечеть в селе Райжай

3. Портрет Витаутасы Великого
в Клубе Татарской организации
в селе Райжай

4. Татарская мечеть в селе Немежис

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abrams, Lynn.* Oral History Theory. London: Routledge, 2010.
- Bairaušauskaitė T.* Lietuvos totoriai XIX amžiuje. Vilnius, 1996.
- Barth Fr.* Introduction. // Fr. Barth (Ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Boston. Little, Brown and Company, 1969. 9-38.
- Bieñkowska-Ptasznik M.* Ethnic Identity in Contemporary Research Perspectives: Various Ways to Read a Society. // LIMES, 2008. Vol. 1, No. 1, 75–87.
- Borawski P., A. Dubiński.* Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa, 1986.

- Cohen A. Culture as Identity: An Anthropologist's View. // *New Literary History*, Vol. 24, No. 1, Culture and Everyday Life (Winter, 1993), 195-209.
- Cohen A. Culture, identity and concept of boundary. // *Revista de antropologia social*. Editorial Complutense. Madrid, 1994. 49-61.
- Confino, Alon. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. // *American Historical Review*, 102, No. 5 (Dec. 1997): 1386-1403.
- Drozd A., M. Dziekan, T. Majda. *Meczety i cmentarze Tatarów polskolitewskich*. Warszawa, 1999.
- Drozd A., M. Dziekan, T. Majda. *Piśmiennictwo i muhiiry Tatarów polskolitewskich*. Warszawa, 2000.
- Górak-Sosnowska K. (ed.) *Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam*. University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies. Warszawa, 2011.
- Hall St. *Ethnicity: Identity and Difference*. Speech delivered at Hampshire College, Amherst, Massachusetts, 1989. 19-25.
- Hall St. *Cultural identity and diaspora*. // J. Rutherford (Ed.), *Identity*. London: Lawrence & Wishart, 1990. 392-403.
- Hutton P.H. *History as an Art of Memory*. Hanover, NH: University Press of New England, 1993.
- Jakubauskas A., G. Sidykov, St. Dumin. *Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje. Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga*. Kaunas, 2012.
- Kim R. Religion and Ethnicity: Theoretical Connections. // *Religions*, 2011, 2, 312-329. On-line: <http://www.mdpi.com/2077-1444/2/3/312/pdf> (18.02.2013)
- Konopacki A. Религия татарского общества на землях Великого Литовского княжества в свете исторических исследований // *История Польши в историографической традиции XIX – начала XXI вв. Материалы Международной научной конференции*, Гродно, 29–30 окт. 2009, 122-129.
- Konopacki A. *Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI-XIX wieku*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 2010.
- Kryczyński St. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*. *Rocznik Tatarów Polskich*, 3. Warszawa, 1938.
- Łapicz Cz. *Kitab Tatarów litewsko-polskich (Paleografia. Grafia. Język)*. Toruń. 1986.
- LeGoff, Jacques and Pierre Nora, eds. *Constructing the Past: Essays in Historical Methodology*. New York: Cambridge University Press, 1984.
- LeGoff, Jacques. *History and Memory*. New York: Columbia University Press, 1996.
- Łyszczarz M. Generational changes among young Polish Tatars // Górak-Sosnowska Katarzyna (ed.). *Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam*. University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies. Warszawa, 2011. 53-68.
- Mickunaite, Giedre. *Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania*. Central European Univ Press. Budapest, 2006.
- Miśkiewicz A., J. Kamocki. *Tatarzy słowiańszczyzną obławskawieni*. Kraków, 2004.
- Miśkiewicz A. *Tatarzy polscy 1918–1939. Życie społeczno-kulturalne i religijne*. Warszawa, 1990.
- Miśkiewicz A. *Tatarska legenda. Tatarzy polscy 1945–1990*. Białystok, 1993.
- Miškinė G. *Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai. Grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys*. Vilnius, 2011.

- Nalborczyk A.* Muslim Women in Poland and Lithuania. Tatar Tradition, Religious Practice, hijab and Marriage. // *Gender and Religion in Central and Eastern Europe*. Poznań, 2009, 53-69.
- Norris H.T.* Qur'anic sūra on a Lithuanian Tatar tombstone. – *Journal of Qur'anic Studies*. Vol. 1, N1(1999), 162-163.
- Norris H.T.* Qur'anic Studies in the Baltic Region: The Contribution of the Baltic Tatars amid the Growing Inter-ethnic Muslim Communities of Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania and Poland. // *Journal of Qur'anic Studies*. Vol. 7, N 1 (2005), 113-121.
- Norris H.T.* Islam in the Baltic. Europe's early muslim community. Tauris academic studies. I. B. Tauris Publishers. London; New York, 2009.
- Novak M.* The Rise of the Unmeltable Ethnics. New York: Macmillan, 1971.
- Pędziwiatr K.* “The Established and Newcomers” in Islam in Poland or the intergroup relations within the Polish Muslim community. // *Górak-Sosnowska Katarzyna (ed.). Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam.* University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies. Warszawa, 2011, 169-182.
- Podolak B.* Obraz Turcji I ludów tureckich w polskich podręcznikach do historii. // *Wśród jarłyków i fermańów. Materiały z sesji naukowej poświęconej pamięci d-ra Zygmunta Abrahamowicza.* Kraków. 2004:81-92.
- Szabanowicz H.* Meczet w Gdańsku – jego znaczenie w naracji tożsamościowej Tatarów gdańskich. // *W kręgu pytań o tożsamość narodową i etniczną Pomorza Gdańskiego.* Wydawnictwo Gdańskiej Wyższej Szkoły Humanistycznej. Gdańsk, 2011, 75-81.
- Szewczyk J.* Polish heirs of Tokhtamysh. *Hürriyet Daily News & Economic Review*. Dec. 4, 2009. On-line: <http://212.31.2.101/n.php?n=polish-heirs-of-tokhtamysh-2009-12-02>
- Tuhan-Baranowski M.* O muślimach litewskich. Warszawa, 1896.
- Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Lilwia i w Polsce. *Studia z dziejow XIII–XVIII w.* Warszawa, 1989.
- Vertovec St.* Religion and Diaspora. Paper presented at the conference on ‘New Landscapes of Religion in the West’, School of Geography and the Environment, Un-ty of Oxford, 2000. 27-29. On-line: www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/Vertovec01.PDF (18. 02. 2013)
- Warمیńska K.* Tatarzy polscy. Tożsamość religijna i etniczna. Kraków, 1999.
- Warمیńska K.* Tatarzy polscy – tożsamość kolektiwna grupy w kontekście regulacji ustawowych. // *Przegląd tatarski*. 2011. N. 2, 17-21.
- Асман Я.* Културната памет. Писменост, памет и политическа идентичност в ранните високоразвити култури. София. Изд. „Планета 3”, 2001.
- Гудаевичос Э.* История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 г. Москва, 2005.
- Канапацкая З.* Мечети татар Беларуси, Литвы и Польши: история и современность. // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVII – 1917 г.). Материаллы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2006, 6-24.
- Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. Санкт-Петербург, 1857.
- Штомпка П.* Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1, 6-16. On-line: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19004905.html>
- д-р Венета Янкова**, доцент Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского; veneta_yankova@abv.bg